

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'+811162.1'42

ДИНАМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР БИБЛЕЙСКОЙ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Н.М. Орлова

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра теории и истории языка
E-mail:nador2006@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с прецедентной значимостью и динамическим варьированием библейского текста в русской и европейской литературе на примере Ветхозаветной ситуации «Гибель Содома» и ее ключевых концептов.

Ключевые слова: прецедентный текст, библейский текст, динамический конструкт, концепт.

Dynamic Character of Biblical Precedent Text

N.M. Orlova

The article considers the problems of importance and dynamic variance of the Bible as precedent text in Russian and Western European literature as illustrated by the Old Testament story of Sodom destruction and its key concepts.

Key words: precedent text, biblical text, dynamic construct, concept.

Прецедентность библейского текста рассматривается нами как динамический конструкт, обладающий способностью воспроизводиться в бесконечно разнообразных вариантах. Прецедентная ситуация «Гибель Содома [и Гоморры]» – одна из самых значимых и трагических в Библейском тексте – и одна из наиболее освоенных русской и европейской литературой и культурой. Эта освоенность проявляется в первую очередь в том, что сигналом данной прецедентной ситуации (ПС) в различных дискурсах служит концепт 'содом', обладающий огромными когнитивными потенциалами, а слово-номинант концепта («содом») прочно вошло в русский язык, получило новые значения и оттенки значений, оно стало вершиной словообразовательного гнезда, используется в художественных текстах в индивидуально-авторском употреблении и т.д.

В русском языке в значении номинанта концепта произошли семантические сдвиги, и на первое место вышло значение «шум, беспорядок»; значение, восходящее непосредственно в библейской ПС и возникшее путем метонимического переноса (грех определенного рода, которому предавались жители Содома), сохранило свою концептуальную значимость, что отчетливо видно при анализе гнезда производных слова «содом» (содомский (грех), содомит, содомия и под.):

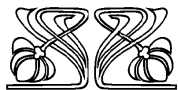
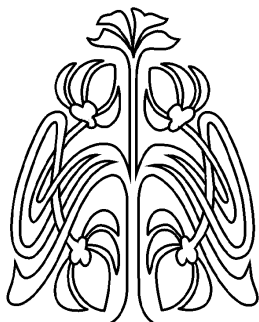
Содом. 1. Разг. Шум, беспорядок, суматоха. 2. Устар. Шумная, буйная толпа. Содом и Гоморра. а) о крайнем беспорядке, суматохе, шуме; б) о крайней безнравственности, распущенности, разврате, царящем где-л.

Содомить (и содомиться). Прост. Шуметь, кричать, ссориться, браниться.

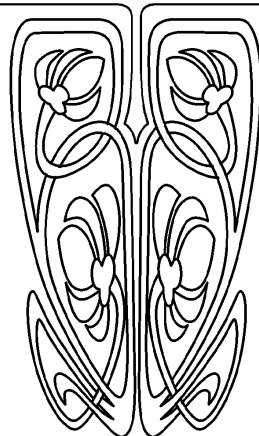
Содомский. Устар. Развратный, греховный. Содомский грех. Мужеложство.

Сходная картина наблюдается в украинском и белорусском языках:

Содом, содома. Разг. содом. Біля Наумишиної хати – содом. Вогонь обхопив стодолу, стіжки, перекинувся на хату (Коцюбинский).

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Содом и гоморра: Доки балакаемо, уже може з Князівки содом та гоморру зробили (Головко).

При этом производные, как и в русском языке, сохраняют связь с наименованием греха и приводятся с пометой «медицинское».

Ср. в белорусском: Содом. Разг. Гармидар, вэрхал, садом. Но: содомизм, содомит, содомия – мед. садомизм, садамит, садамия.

Значение «шум, беспорядок» отмечается как основное и в этимологических словарях: содом – гвалт, суматоха; содом и гоморра – то же самое; содомить – шуметь, кричать (Фасмер); содом – шум, крик, гам, суматоха; шумная толпа (Преображенский), от греч. Σόδομα; но: содомия – разврат. Фасмер отмечает также сходное направление семантических изменений у русских библеизмов «вавилонское столпотворение» и «содом»; могут употребляться как синонимы: «Шум, гам, содом такой, что вся обитель сбежалась. Просто, матушка, как есть вавилонское языков смешение» (Мельников-Печерский. В лесах).

Таким образом, лексема «содом» вербализует как концептосферу «беспорядок» (ср. беспорядок, безнарядица, безалаберщина, беспутица, бестолковщина, бестолочь, неустройство, неурядица, ад (!), *содом*, разгром, столпотворение (вавилонское), светопреставление, кавардак, каша, путаница, кутерьма, пертурбация, катавасия, сутолока, базар, хаос и т.п.), так и концептосферу «грех, разврат».

В русской, особенно в диалектной, речи зафиксировано огромное количество употреблений слова «содом», его производных и устойчивых сочетаний и паремий, содержащих эту лексему. По данным словаря Даля, эти употребления не связаны с концептуальной основой «грех», т.е. непосредственно с библейской ПС, ср. Такой содом, что пыль столбом; Это не дом а содом; Уток-то на озере содом (=толпа, множество, тамбов., тульск.); За содомом гостей не останется поглотать и костей; Слышь, в кабаке содомат *как!* (= шумят); содомщик – затейщик ссор, сварливый орала (sic!).

Хотя текст Библии в достаточно подробном изложении данной ПС не отмечает шума, беспорядка, суматохи, сопутствовавших истреблению грешных городов, нет никакого сомнения, что ужас и страдания, охватившие жителей Содома, сопровождались криками и беспорядочными (и безнадежными) попытками к бегству и спасению. Греховный образ жизни обитателей Содома и Гоморры должен был сопровождаться шумом и беспорядком.

Как уже было отмечено, интертекстуальные связи текста русской литературы и библейского текста в использовании ПС «Гибель Содома (и Гоморры)» широки и разнообразны. Так, в языковой картине мира А.С. Пушкина Содом – это в первую очередь город, разрушенный за грехи (а точнее, за определенный грех!) его жителей. С Содомом сравнивается Кишинев: «Содом, ты знаешь, был отличен / Не только

вежливым грехом, / Но просвещением, пирами, / Гостеприимными домами» («Проклятый город Кишинев!..») <Из письма к Вигелю>, ср. также «Вигель здесь был и поехал в Содом-Кишинев» (из письма П.А. Вяземскому, 14 октября 1823 г.). Несмотря на то что выражение «греческий содом» толкуется в словаре языка Пушкина как «крайний беспорядок, суматоха», думается, что текст стихотворения «Раззевавшись от обедни, к Катакази еду в дом...» не оставляет сомнения в том, что поэт имел в виду не только шум, но и склонность к разнообразным грехам (ср. далее: «Если верить Моисею, Скотоложница умрет!»). Впрочем, в этом шутовском стихотворении речь идет также о Кишиневе. Интересно упоминание в пушкинском дискурсе о Лоте: «Я пью, как Лот содомский, и жалею, что не имею с собой ни одной дочки» (из письма тому же В.В. Вигелю) – поскольку в данном случае мы имеем интертекстуальную отсылку к ПС, последовавшей непосредственно за разрушением Содома и бегством Лота и его дочерей.

Обращение к прецедентному имени «Содом» находим в известных рассуждениях о красоте в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». С надрывом и отчаянием рассказывает Митя Карамазов Алеше, как довелось ему познать «страшную и ужасную» силу красоты, непонятным образом соединяющую «идеал Мадонны» с «идеалом содомским»: «В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». В значении «крайняя степень разврата» Содом упоминается Достоевским в «Дневнике писателя»: «В Саду же детки будут выскакивать прямо из земли... а не поступать девяти лет, когда еще играть хочется, на фабрики, ломая там спинную кость над станком, тупя ум перед подлой машиной, <...> утомляя и губя воображение перед бесчисленными рядами рожков газа, а нравственность – фабричным развратом, которого не знал Содом». В сходном употреблении «Содом и Гоморра»: «Что это? помилуйте, до чего безнравственность доходит: по ночам бегают, трубку курят... одна пьяная пришла. Содом и Гоморр! Содом и Гоморр!» (А.Писемский. Тысяча душ); «Ого! – подумал Ермий, – как время изменило обычаи. Верно, ныне совсем уже нет старого привета странным. Нет, теперь я уже ясно вижу, что поддался насмешке сатаны, что я был послан сюда не для пользы души моей, а для всецелой моей пагубы, как в Содом и Гоморру» (Н. Лесков. Скоморох Памфалон).

В других текстах русской классики находим обычное для современного словоупотребления значение «шум, беспорядок, суматоха»:

«А? Бунт? Ну так и жду содома» (А. Грибоедов).

«А надсмотрщикам сидеть Подле лавок и смотреть, Чтобы не было содому, Ни давежа, ни погрому» (П. Ершов).

«Еще у вас в городе рай и тишина, а по другим городам так просто Содом, матушка: шум, беготня, езда беспрестанная! Народ-то так и снует <...>» (А. Островский).

В западноевропейских языках концепт «содом» сохранил более четкую связь с соответствующей библейской ПС, поэтому в толковании значения слова-имени концепта подчеркивается сема «грех, греховность», ср. в польском: *Sodoma i Gomora siedlisko występku, gniazdo rozpusty, niemoralności, grzechu, bezbożności*; в английском: *Sodom – a sinful wicked place*. Производные (*sodomy* и т.п.) также характеризуют один из тягчайших грехов.

Обратимся непосредственно к ситуации «Гибель Содома», которая подробно излагается в Книге Бытие; отсылка к этому сюжету содержится во многих Библейских текстах. Можно сказать, что данная ситуация является прецедентной в пределах самого Библейского текста, интертекстуальная связь осуществляется в Кн. Пророка Исаяи, Кн. Пророка Иеремии, Кн. Пророка Иезекииля, Кн. Пророка Амоса и др., а также в текстах Нового Завета (Евангелия от Марка, от Луки; Послание римлянам, Откровение Иоанна Богослова и др.). Как правило, прецедентное имя (ПИ) «Содом» используется как пример наказания, которое может постигнуть за те или иные грехи (ср: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба. И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастения земли»).

«Неестественный разврат», упоминаемый, в частности, в Послании Римлянам, также прочно связан с «содомлянами». Такие имена и прецедентные ситуации дают основание считать композицию Библии «гипертекстовой», поскольку ее «составляющие» (Книги) и самоценны, и взаимосвязаны.

Современный автор, обращающийся к этому поистине неисчерпаемому ПИ, должен в первую очередь маркировать ситуацию таким образом, чтобы интерпретатор текста отчетливо осознавал, имеет ли он дело со словом «содом» (в значении «беспорядок» или «грех») либо с важнейшим концептом Библейского истока. Цикл стихов Инны Лиснянской «В пригороде Содома», без сомнения, является концептуально значимым для позднего периода ее творчества. Это цельный цикл, который может рассматриваться как поэма, он воспроизводится во многих изданиях и, что особенно существенно, дает название отдельному сборнику (2002). Заголовок – та часть текста, которая стоит в «абсолютно сильной позиции»; данный заголовок оживляет внутреннюю форму Библейского прецедентного имени и, таким образом, четко указывает на необходимость восприятия его во всей концептуальной полноте: если у Содома есть

«пригород», следовательно, речь идет не только о грехе и не о современном употреблении слова «содом», свойственном разговорной речи, а о **городе**, который может быть поэтически переосмыслен как «Содом», обо всей Библейской ПС, живущей в сознании современного автора и читателя, – о ситуации «Гибель Содома».

Рассматриваемая прецедентная ситуация реализуется в цикле «В пригороде Содома» несколькими концептуальными линиями. Можно заметить, что во многом эти линии сходны, однако в поэтическом дискурсе происходит их глубокое философское переосмысление, выражающееся в расширении соответствующих концептосфер, в сближении (удалении) некоторых понятий (концептов). Это проявляется не в прямом, а в косвенном (инвертированном) воспроизведении Библейского сюжета: «...место обитания лирической героини – московский пригород», а «сгоревший без пламени Содом» – и «новый Содом» на месте старого, и одновременно Содом библейский¹. Прослеживая аллегорические вариации библейского сюжета, мы не получаем ответа на вопрос, каким образом концептуальная картина мира, представленная в Библейском тексте, и концептосфера цикла-поэмы Инны Лиснянской соотносятся друг с другом. Библейский текст, будучи сверх-, гипертекстом, не может быть в полном объеме сопоставлен с любым современным светским текстом; тем не менее можно отметить те концептуальные линии и концептосферы, которые традиционно вычлениаются в Библейском тексте и которые дали жизнь общезыковой лексеме «содом» во всем многообразии ее значений.

Основными концептуальными линиями (признаками) Библейской ПС «Гибель Содома» являются «грех», «пожар» (уничтожение), «непослушание», «ангелы», соответственно эти концепты наиболее значимы, и к ним обращается Библия в более поздних текстах. Концепт «непослушание» эксплицируется в ПС, находящейся «внутри» ситуации «Гибель Содома» (ПС «Жена Лота»). При сравнении когнитивно-библейской основы текста-первоисточника, т.е. самой Библии, и рассматриваемого поэтического цикла мы видим, что концептуальные линии отчасти совпадают (перекрещиваются); наблюдается также их неполное совпадение.

Прежде всего проанализируем «несовпадающие» линии. Концептуальный признак (смысловой квант) «непослушание», который может быть рассмотрен как самостоятельный концепт, объективированный в языке и чрезвычайно важный для религиозного дискурса, эксплицируется в Библейском тексте в предельно лаконично описанной прецедентной ситуации «Жена Лота»: «Когда же вывели их вон из города, то один из них сказал: спасай жизнь твою; не оглядывайся назад; и нигде не останавливайся на равнине сей; спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть. Жена же Лотова оглянулась назад и обратилась в соляной столп».

В общеязыковом употреблении устойчивое сочетание «жена Лота» ассоциируется с неподвижностью, «окаменением» от неожиданности или ужаса. Этот поступок жены Лота в тексте Библии никак не мотивируется; такое отсутствие объяснений дало пищу для самых различных, в том числе опозитивированных толкований причин ослушания. Достаточно вспомнить известное стихотворение Анны Ахматовой «Лотова жена» (1924 г.):

Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.
И далее:

Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Ослушание жены Лота как экспликация концепта «память» в той или иной степени вербализуется в современной поэзии, связанной с темой эмиграции – как память-ностальгия:

Там, где сгорел Содом, едкие пятна окалины.
Отбушевавшее пламя зовет оглянуться назад.
В Мертвое море столпы соляные повалены,
Длинными льдинами, Арктикой белой лежат.
Жар застыл над горами, как северное сияние.
Пахнет дымом и серой, черным хлебом

и домом,

Но между домом и мною такое же расстояние,
Как между маревом Арктики

и красным дождем над Содомом.

(Елена Аксельрод. Там, где сгорел Содом, едкие пятна окалины...).

Такие примеры весьма многочисленны.

Современный автор (интерпретатор) текста, строящий свое поведение на сознательном или неосознанном непослушании высшим силам, безусловно, не осознающий такое непослушание, как грех, сочувствует Лотовой жене и часто задается традиционным вопросом: Была ли жена Лота наказана соразмерно своей вине, и в чем состояла эта вина? Такое восприятие прецедентной ситуации претекста Библии присуще не только русской литературе. В исследовании Евы Яскулы. «“Kto to był?” Żona Lota w poezji XX wieku, czyli rozbijanie stereotypu»² рассмотрены ее художественные интерпретации в творчестве известных поэтов, в том числе Анны Ахматовой. Из польских авторов, представленных в монографии, русскому читателю наиболее известны Юзеф Лободовский (Łobodowski) и особенно Вислава Шимборска (Wisława Szymborska). Текст Шимборской «Жена Лота» («Obejrzałam się podobno z ciekawości...») весь соткан из перечисления возможных причин, вынудивших Библейскую героиню оглянуться, в том числе абсолютно случайных:

Obejrzałam się bez własnej woli.

Tylko głaz obrócił się, warcząc pode mną.

Szczelina raptownie odcięła mi drogę.

Na brzegu dreptał chomik wspięty

na dwóch łapkach

Wówczas to oboje spojrzeliśmy wstecz.

(Обернулась отнюдь не по собственной воле.

Это камень, на который я наступила,

с грохотом

перевернулся у меня под ногой,

Это пропасть внезапно разверзлась

на пути у меня.

На краю стоял столбиком хомячок.

И тут мы оба взглянули назад...

(Пер.Л. Цывьяна)

У Юзефа Лободовского причины, заставившие Библейскую героиню оглянуться, обозначены в русле традиции XX в.: она «застыла в прекраснейший памятник любви» («Zastyła w najpiękniejszy pomnik miłości») к родне, к родному Содому.

В цикле Инны Лиснянской ставится вопрос о вине жены Лота, т.е. концепт «непослушание» в Библейском понимании в этом поэтическом дискурсе не эксплицируется. Все, что связано с ПС «Жена Лота», вербализовано в концептосфере «память» и отчасти – в концептосфере «грех». Связь ситуации «Жена Лота» с концептосферой «память» явно сближает цикл Лиснянской с текстом Ахматовой, поскольку тема «оглядки» на прошлое была для последней чрезвычайно важна: «библейский грех непослушания оборачивается трагедией верности»³. Именно так интерпретируется данная прецедентная ситуация Инной Лиснянской, концептуальное поле «память» представлено широко и разнообразно во многих стихах цикла: «По-настоящему *прошлому* верен камень – В *память* свою как человек влюблен. *Памяти* опыт, как всякий опыт, печален <...> Крошево дня вокруг *памятных* мест» («Птичья почта»); «Никак я не спалю *память* бедную мою <...> Но по городу Содому, где сгорела вся родня, *Одинокая тоска* хуже камня у виска <...> Я разумом больна от *навязчивого сна*» («При Содомских воротах»); «Оглянувшись в *прошлое*, можно окаменеть, Как случилось совсем недавно с женою Лота <...> Да и где пограничная, собственно, полоса, Между тем, что *прошло*, и тем, что проходит мимо» («Где стена крепостная и где глашатая медь...»); «*Память* – горящая спичка в соломе» («В пригороде Содома»); «Я выдохнула *память*» («Вдали от Содома»); «Завывать над одной из плит, Где *содомский мой сон* зарыт» («Последний сон»); «Сердцу невдомек, Что оно меж *прошлым* и грядущим – Нервной вечности комок» («Меж прошлым и грядущим») и т.д. Кроме приведенных примеров прямой вербализации концепта «память», можно отметить, что все мотивы, так или иначе связанные с воспоминаниями лирической героини, эксплицируют данный концепт.

Что касается когнитивного признака «ужас», то это имманентный признак ситуации страшной кары, которая была обрушена на Содом. В Библейском тексте «ужас» не вербализован; в цикле «В пригороде Содома» концептосфера «ужас»

пересекается с концептосферой «пожар», накладывается на нее: людские *вопли* («Дым»), *ужасы* снятся; чтобы твой *ужас* не шел на убыль; Бог увидал, что пожар – не в науку, И заменил Он мгновенную муку *Трепетом* вечным («В пригороде Содома»).

Наблюдения над обращением к ПС «Гибель Содома» и функционированием концепта ‘содом’ в художественном тексте наводят на мысль о вольном обращении с текстом Священного писания. На этот вопрос автор пытается ответить в стихотворении-диалоге «Короткая переписка»: «Жизнь удлинилась, строку разогнав, Дыхание сократив. Более факта, ты полностью прав, Меня привлекает миф». Несомненно, реализация интертекстуальных связей с величайшим животворящим претекстом служит импульсом для создания новых творений во всех видах художественного творчества. Так, к рассматриваемой ПС, помимо поэтов, обращались художники: Альбрехт Дюрер «Лот и его дочери покидают обреченный Содом», Питер Пауль Рубенс «Лот с дочерьми покидает Содом» и «Бегство Лота из Содома», Гюстав Доре «Семья Лота покидает Содом» и др., – и в изобразительном искусстве доля «вымысла» также велика. Более того, многие точные «благочестивые», по выражению О. Николаевой, переложения текста Священного Писания (преимущественно поэтические), созданные «самыми благонамеренными мирянами и даже священниками и монахами», являются «абсолютно мертвыми», их отличает «специфический почерк рационализма ...»⁴

Концептуальная линия «ангелы» представлена в тексте Библии компонентами два Ангела, гости, люди, (те) мужи. Инна Лиснянская вводит в эту концептосферу такие компоненты, как падшие ангелы («Падшие ангелы в новом Содоме, Если не воры и не убийцы, – Сущие агнцы»); *серафим с обгорелой ключицей* (и с увечным пальцем) – вечное напоминание о трагедии Содома («В пригороде Содома»); *ангел в лиловом смоге*, стоящий на обочине автотрасс вместе с дьяволом в смокинге. «Триста ангелов», стерегущих сад Света, – текстообразующий концепт стихотворения «Четыре руки»: «*Крыльями светел сад* <...> Господи, твоя власть! Не гордый я человек, – Пусть делают *ангелы* обыск <...>. Не взвесить души одной и на *крылах* трехстах!» и т.д. При внешнем совпадении данной когнитивной линии, представленной в тексте Библии и в стихах Лиснянской, очевидно, что концептосферы «ангелы» почти не пересекаются: в Библии это именно те люди, «гости», на которых посягают погрязшие в разврат содомляне; поэт вкладывает в это понятие иное содержание (ангел = свет) и, безусловно, инвертирует всю ПС его (серафим, пострадавший от содомской катастрофы, ангел в смоге – аллюзия на содомский дым).

Начиная рассмотрение концептуальной линии «грех», можно предположить, что наложение концептосфер даст больше совпадений. Действительно, в цикле-поэме Инны Лиснян-

ской это понятие «уточняется», происходит осовременивание Библейского концепта. В Библии многократно говорится о том, что жители Содома были злыми (=грешными), творили зло (= предавались греху), Лот предлагал им не делать зла; содомляне же (все, от молодого до старого!) выражали желание познать гостей, приступали к Лоту и угрожали ему поступить с ним хуже, нежели с ними (с гостями), и, наконец, подошли, чтобы выломать дверь... (Быт. 19). Тот грех, который принято считать содомским, вполне отчетливо концептуализируется И. Лиснянской в стихотворении «Карнавал»: «В паре с бабой баба идет, А мужик идет с мужиком». При этом в концептуальной картине мира поэта с понятием «грех» соотносится пьянство («Не минуи мои ворота, заходи, я накормлю, Даже водкой напою <...> А Содом стоит на месте, хоть оброс железным мхом, Да стеклом из-под вина, не допитого до дна» – «При Сodomских воротах»), наркомания («В волосах серпантин цветет Наркотическим лепестком» – «Карнавал»), вообще многогрешие (упоминаются воры, убийцы – «В пригороде Содома», многогрешный Содом – «При Сodomских воротах»). Особое значение приобретает концепт ‘грех’ при обращении к прецедентной ситуации «Жена Лота». Поэт моделирует собственную ситуацию спасения из Содома: «Я была служанкой в доме Лота (Но об этом умолчал историк). Лот мне указал не на ворота, А на сточный выход через дворик». Как уже отмечалось, в этой точке происходит несовпадение представлений о грехе: «Неужели на семьдесят градусов поворот Головы неповинной – великое *ослушанье?*» («Где стена крепостная...») – и даже: «На кой мне ляд, однако, та страна, Иль град, где пошадил только Лота?» («Вдали от Содома»). Одновременно содомская (т.е. в целом греховная) ситуация проецируется на современность и, что особенно существенно, на жизнь и внутренний мир лирической героини, при этом обнаруживается актуальность данной ПС: «Разве лучше *сodomских грядущие* горожане? <...> Я *греховней* супруги Лотовой в тыщу раз» («Где стена крепостная и где глашатая медь...»); «Я содомских *грешников грешней*» («Дым») и т.д. Иными словами, концепт ‘грех’ как ментальное образование шире, чем в Библейской ПС «Гибель Содома», и связан с мотивами личного греха, раскаяния и покаяния.

Наконец, содомских грешников постигает Библейская кара, эксплицированная в компонентах концептосфер «гибель» и – конкретно – «пожар»: Господь истребит сей город <...> и, наконец, И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба. И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастения земли ... И посмотрел (Авраам) к Содому и Гоморре... и увидел: вот, дым поднимается с земли, как дым из печи (Быт. 19, 13–28). Образы пожара, горения, дыма пронизывают весь цикл Лиснянской, они

(гости) и «любовь» (аромат любви, возлюбленная и т.п.). Последняя связана с авторским истолкованием ситуации «Жена Лота»: в эту женщину влюблен один из жителей «грешного города».

В романе Б. Литвинова «Она не узнала о своей смерти» предпринята попытка воспроизведения Библейской прецедентной ситуации, ее художественного переосмысления и соотнесения с современностью. Герои книги, многие из которых погрязли в «новом содоме», – члены съемочной группы фильма «Содом». Концептосфера «грех» включает такие компоненты, как разврат, грязь, низменные инстинкты, порок, блуд, грязная похоть, скотоложство, гомосексуализм, безобразные, грязные люди, пьяные негодяи, воровать, насилловать, убивать и т.п., – иными словами, вербализация художественного концепта обнаруживает чрезвычайную близость к концепту Библейского истока, ср.: Эти трое были самыми известными в городе *смутьянами* и *безобразниками*. *Ничего святого* за душой у них не было <...>. Старшая (дочь) была похожа на мраморное изваяние. Она стояла, гордо поднимая голову и бесстрашно глядя на *избращенцев* и *негодяев* <...>. А в это время находившиеся в доме Лота с волнением вслушивались в крики *безобразных людей* <...>. Толпа начала заводиться на неистовство, *теряя остатки человеческого облика* <...>. Еще секунда – и *вакханалия крови и похоти* захлестнет город и погубит островок доброты и святости.

Обычно в современных текстах непослушание жены Лота толкуется весьма своеобразно (женщина имела любовную связь с содомлянином и с тоской обернулась на пылающий город), поэтому понятие о грехе супружеской измены, предательства включается в когнитивное поле «грех». Более того, в концептосферу «грех» автор включает компоненты, связанные с прецедентной ситуацией, следующей непосредственно за сожжением Содомы – «Лот и его дочери» (блуд, грех, ужасный грех, в котором погряз в конце жизни Лот, т.е. инцест в современном понимании). Заметим, что эта линия отнюдь не номинируется в Библии как грех, однако неофитское ее прочтение достаточно часто вызывает у современных авторов иные ассоциации, ср.: «А кто не слишком любит пролетарского писателя (Горького. – *Н.О.*) и потому не ставит его себе в пример, может вспомнить библейскую историю Лота и его дочерей, родивших от родного отца, что послужило началом целым племенам, – и ничего» (М. Чулаки. Примус).

В тексте вербализованы также концепты: 'ангелы' – три человека, ангелы, посланники Божии, гости, такие гости и др.; 'пожар' – предать огню, Содом должен сгореть, сожжение города, истребить Содом, трагическая развязка, кара небесная; Господь пролил над Содомом и Гоморрой дождь из огня, дождь огненный и т.д.; 'ужас' – ужас, были слышны страшные крики, ослепленные содомляне метались, страшная смерть.

Можно отметить, что концептуальная картина мира, нашедшая отражение в названных конструктах, достаточно близка к Библейской ККМ и несколько отличается от когнитивной матрицы романа Руслана Киреева (в частности, в последнем не представлена важнейшая для рассматриваемой ПС концептосфера «ужас»).

Наконец, концептосфера «жертва», относящаяся в первую очередь к ситуации предложения Лотом своих дочерей взамен гостей, дает представление о восприятии данной ситуации современным сознанием (принести в жертву, пожертвовать, жертвоприношение).

В начале текста заявлен концепт 'совесть', весьма важный для русского языкового сознания, для ряда художественных текстов, для Священного Писания в целом (в Библии номинант концепта встречается 32 раза) и т.д., однако не органичный для рассматриваемой прецедентной ситуации и слабо эксплицированный в романе в целом.

Концепт 'совесть', наряду с широко представленными концептополями 'ревность' (также кровосмесительного толка!) и 'ложь', относится к кругу понятий, за счет которых идет не только расширение, но и перекраивание Библейской концептосферы. Обращение к ним Б. Литвинова обусловлено потребностями драматического сюжета. Все дальнейшее поведение режиссера Радугина бессовестно, преисполнено лжи, греховно – и ведет к гибели главной героини.

Таким образом, Библейские прецедентные ситуации и вся концептосфера Библии являются мощным текстообразующим средством, способным организовывать тексты больших по объему прозаических произведений, микроконтексты в их составе, стихотворные тексты и их фрагменты.

Для прецедентной ситуации «Гибель Содомы [и Гоморры]» наиболее значимым представляется концепт «содом», имеющий достаточно сложную смысловую структуру и подвергшийся значительной семантической эволюции в процессе функционирования в русской языковой картине мира. Так, несмотря на то что многие Библейские концепты имеют изначально общий статус в европейских языках, в русском (и других восточнославянских) на первом месте среди лексических значений находится «шум, беспорядок, суматоха».

Дальнейший анализ когнитивной структуры Библейской прецедентной ситуации выявил наличие в ней нескольких основных наиболее значимых концептуальных линий и соответственно несколько пересекающихся концептосфер, служащих для репрезентации данной прецедентной ситуации («ангелы», «грех», «пожар», «непослушание», последняя относится к ПС внутри рассматриваемой нами – «Жена Лота»). Субститутотом концепта 'жена Лота' служит «соляной столп» – многомерный образ, вбирающий в себя смысловые кванты «неподвижность», «непослушание», «грех».

В XX в. русская и европейская словесность при обращении к ситуации «Жена Лота» делает акцент на выяснении причин непослушания Библейской героини. В ряде текстов в качестве причины указывается любовь к родному городу, нежелание его оставить и – напротив – желание сохранить его в памяти, что способствует выработке новой когнитивной линии «память» в сознании авторов и интерпретаторов текстовой информации. Весьма существенно, что в смысловой структуре концепта «Содом» проявляются положительные коннотации, ср. «красные башни родного Содома».

Наложение когнитивной матрицы Библейского текста на поэтические и прозаические тексты современных авторов демонстрирует как концептуальную общность основных когнитивных признаков этих текстов, так и значительное их

отличие. Творческие преобразования Библейской концептосферы позволяют говорить о Библейской прецедентности как о динамическом конструкте, неисчерпаемом источнике продуцирования новых репрезентаций традиционного концепта и рождения новых образов.

Примечания

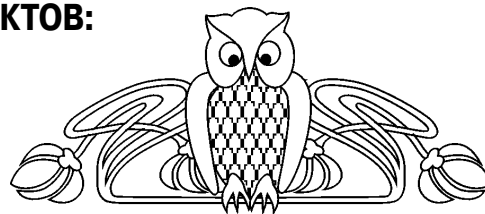
- 1 Полещук Д. Как дева юная, темна для невнимательного света // Новый мир. 2002. № 6. С. 176.
- 2 Jaskóła E. «Kto to był?» Żona Lota w poezji XX wieku, czyli rozbijanie stereotypu. Katowice, 2006.
- 3 Кухней Л. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. М., 1997. С. 61.
- 4 Николаева О. Православие и свобода. М., 2002. С. 262.

УДК 81'1

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НАТУРФАКТОВ: ЭЛЕМЕНТЫ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА

Н.В. Крючкова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail:kruchkovanv@yandex.ru

В статье рассматривается концептуализация натурфактов на примере одного из важнейших для русской культуры элементов природного ландшафта *берег*. Концептуализация подобных объектов – процесс, основывающийся на чувственном восприятии; вместе с тем, результаты такой концептуализации могут характеризоваться определенной лингвокультурной спецификой.

Ключевые слова: концепт, культура, дискурс, сознание, ландшафт.

Natural Objects Conceptualized in Language: Elements of Landscape

N.V. Kryuchkova

The article deals with language conceptualization of natural objects, as exemplified by Russian noun *biereg* (bank, shore, coast) – in Russian culture, one of the major elements in landscape. Conceptualization of such objects is based on sensory perception, whereas the results of conceptualization may have some linguistic and cultural peculiarities.

Key words: concept, culture, discourse, mentality, landscape.

Берег – один из базовых элементов русского природного ландшафта, а следовательно, связанный с этим объектом ментефакт имеет основание быть одним из древнейших концептов, прочно укоренившихся в национальной концептосфере, и относится к таким концептам, на основе которых осуществляется концептуализация различных явлений, в том числе и не относящихся к сфере натурфактов. Особенности концептуализации

берега как одного из важнейших для русской культуры элементов ландшафта представляют интерес и в связи с проблемами типологии и формирования ментефактов, поскольку *берег* является, по-видимому, достаточно репрезентативным для своей сферы ментальным образованием. Данная сфера может быть обозначена как класс ментефактов, возникших путем концептуального осмысления натурфактов как разновидности конкретных объектов.

Рассмотрим дискурсивное функционирование лексемы *берег*, позволяющее, на наш взгляд, судить о содержательном наполнении соответствующего концепта. В качестве материала для анализа использовались тексты Национального корпуса русского языка (с 1900 по 2007 г.); проанализировано около 400 контекстов. Внимание уделялось главным образом случаям переносного употребления лексемы *берег*. Как показывает анализ контекстов с лексемой *берег*, способы метафорического осмысления образа берега, отношений берега и водной стихии достаточно разнообразны.

Берег (вместе с рекой) в русской лингвокультуре воспринимается как знаковый элемент пространства. Об этом свидетельствует тот факт, что *берег* может выступать в качестве «заместителя» обозначения некоей области пространства, расположенной на берегу реки; этим объясняются метонимические обозначения типа «на берегах Невы»